

А. А. Синдеев

**Формирование принципов и подходов
внешней политики Российской Федерации:
С. В. Лавров на посту постоянного представителя
в Совете Безопасности ООН (2000–2004 гг.) ***

Актуальность статьи определяется востребованностью на нынешнем этапе осмысления опыта современной России исследований, посвященных процессам, явлениям, принципам и подходам, сопровождавшим формирование ее внешней политики. При этом речь идет как об универсальном, так и об индивидуальном (личностном) уровнях. Об актуальности выбранной темы свидетельствуют совпавшие в 2020 году два юбилея — Организации Объединенных Наций, ее Совета Безопасности и юбилей министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова. С учетом последнего факта данная статья не носит свойственного юбилейным статьям характера. Ее цель состоит в том, чтобы проанализировать, какие принципы и подходы в конце XX — начале XXI века были положены в основу российской внешней политики. Для реализации заявленной цели автор использовал открытые источники — послания Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию с 2000 по 2004 год, а также все протоколы заседаний Совета Безопасности ООН за вышеуказанный хронологический период, и выделил для статьи те из них, которые касались борьбы с терроризмом, поскольку эта проблематика была востребована в 2000–2004 годах и предоставляла хорошие шансы для объединения усилий различных партнеров. Данные материалы потребовали применения системного подхода, историко-генетического, историко-типологического и сравнительно-исторического методов. Результатами проведенного исследования стали систематизация официальных внешнеполитических установок, анализ принципов и подходов, использованных С. В. Лавровым на посту постоянного представителя России в Совбезе ООН. Полученные результаты необходимо воспринимать как предварительные. Работа над проблемой должна быть продолжена.

внешняя политика РФ; принципы внешней политики; подходы во внешней политике; дипломатия; дипломатическая школа; Путин, Лавров

Введение

Ю. С. Карцов, служивший с 1879 по 1895 год в Министерстве иностранных дел Российской империи, в 1908 году писал: «Под термином “внешняя политика” мы подразумеваем ведение международных сношений. Предмет этих сношений не выдумывается — сама жизнь его выдвигает и ставит на очередь. Внешнее представительство или дипломатия, домогаясь чего-либо от другого народа, сначала склоняет его, доказывая, что уступить — его прямая выгода, предлагает компенсации, пускает в ход обещания и прельщения, и лишь после того как средства убеждения исчерпаны, переговоры прекращаются и стороны берутся за оружие. Отсюда внешняя политика есть искусство преимущественно практическое» [Карцов, 1908].

Если оставить без внимания очевидное для того времени «берутся за оружие» (хочется надеяться, устаревшее для современности), а также отказаться от анализа цепочки «склонить — предложить — пообещать — прельстить», то главная мысль Ю. С. Карцова «внешняя политика есть искусство преимущественно практическое» не требует возражений. Она решает конкретные задачи, благодаря ей происходит управление сложными процессами, осуществляется выработка эффективных решений — в рамках ранее согласованных и понятных большинству игроков на международной арене принципов и подходов.

Изучение того, какие принципы и подходы в конце XX — начале XXI века были положены в основу современной российской внешней политики, составляет *цель* статьи. Автор осознает, что рассматриваемые им принципы и подходы появились отнюдь не в 2000–2004 годах хотя бы по той причине, что *Новая концепция внешней политики РФ* не могла быть принята без длительной подготовки [см.: Примаков, 2010, 2011, 2018].

* Синдеев А. А. Формирование принципов и подходов внешней политики Российской Федерации: С. В. Лавров на посту постоянного представителя в Совете Безопасности ООН (2000–2004 гг.) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 4 (69). С. 31–42. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.004>

Впрочем, не стоит упускать из виду и другое: проанализированные ниже установки, принципы и подходы системно оформились и стали неотъемлемой частью внешней политики России в начале XXI века. Последнее уточнение позволяет в качестве обоснования *хронологических рамок* указать на избрание В. В. Путина Президентом Российской Федерации, на Саммит тысячелетия¹ и нахождение С. В. Лаврова на посту постоянного представителя страны в Совете Безопасности ООН. Едва ли случайными оказались события, связанные с систематизацией программных установок и назначением С. В. Лаврова на пост министра иностранных дел.

Методология исследования заставляет сделать четыре пояснения:

1. Под принципами автор понимает определенный комплекс идей, с помощью которых происходит организация деятельности, иерархизация приоритетов, не допускается нарушение внешнеполитического континуитета. Исходя из этого принципы бывают фундаментальными и инструментальными. По-иному фундаментальные принципы можно назвать установками, поскольку они задают направление деятельности. Что касается инструментальных принципов, то они, как правило, привлекают меньше внимания, хотя совместно с универсально-индивидуальными подходами обеспечивают результат.

2. Подходы — это стратегия достижения цели, реализуемая через применение принципов. Они бывают, как отмечено выше, универсальными, свойственными политической культуре и данному виду профессиональной деятельности, и индивидуальными, возникшими благодаря таланту, личному опыту, пониманию заданной цели, принципов-установок, рамок и иных ограничителей, инструментальных принципов и универсальных подходов. Индивидуальные подходы изучать довольно трудно, но без них написание истории внешней политики любой страны не будет полным.

3. На межгосударственном и международном уровнях также присутствуют универсальные принципы и подходы, которые могут вступать в противоречие с национальными, а могут способствовать их формированию и развитию [Шаклеина, 2017]. Данная проблематика требует отдельного исследования и автором не затрагивается [см.: Громыко, 2019 ; Schröder, 2014, с. 88–113, 125–152, 169–179].

Статья ни в силу объема, ни по причине масштабности потенциально необходимого для изучения темы материала не может претендовать на охват всех особенностей и нюансов. В лучшем случае это лишь первый шаг.

Основная часть

В. В. Путин о внешнеполитических установках и приоритетах Российской Федерации.

Россия переживает переходное время, которое в послании Федеральному собранию 2004 года Президент В. В. Путин охарактеризовал следующим образом: «Фактически мы только недавно подошли к третьему этапу в развитии современного российского государства, к возможности развития высокими темпами, к возможности решения масштабных, общенациональных задач» [Послание ... от 26 мая 2004]. Параллельно с этим «[н]аша страна, — отметил Президент, — вовлечена во все мировые процессы, включая экономическую глобализацию» [Послание ... от 8 июля 2000], которая сопровождается «жестк[ой] конкуренци[ей] — за рынки, за инвестиции, за политическое и экономическое влияние» [Послание ... от 18 апреля 2002], а значит Россия должна «расти быстрее, чем остальной мир», от этого, с точки зрения главы государства, зависит «достойно[е] мест[о] России в изменившихся международных условиях» [Послание ... от 26 мая 2004].

Конкуренция, по мнению В. В. Путина, не препятствует продуктивным вариантам сотрудничества между государствами, поскольку «[в] современном мире отношения между [ними]... определяются существованием серьезных... реальных и потенциальных угроз» [Послание ... от 16 мая 2003]. Осмысление ситуации в новом ракурсе связано с 11 сентября 2001 года. Как полагает В. В. Путин, «многие, очень многие... поняли, что холодная война закончилась. Поняли, что сейчас — другие угрозы, идет другая война — война с международным терроризмом» [Послание ... от 18 апреля 2002].

Отход от логики холодной войны должен был, по всей видимости, сопровождаться признанием партнерами суверенного выбора России. «Долгое время, — констатировал В. В. Путин в 2000 году, — мы выбирали: опереться на чужие советы, помощь и кредиты или — развиваться с опорой на нашу самобытность, на собственные силы... Единственным же для России реальным выбором может быть выбор сильной страны. Сильной и уверенной в себе. Сильной

¹ Подробнее см.: Саммит тысячелетия ООН 2000 г.: 6–8 сентября 2000 г., Нью-Йорк. URL : https://www.un.org/ru/events/pastevents/millennium_summit.shtml (дата обращения: 29.04.2020).

— не вопреки мировому сообществу, не против других сильных государств, а вместе с ними» [Послание ... от 8 июля 2000]. В 2001 году он конкретизировал свою позицию: «*учет и уважение*² национальных интересов России со стороны наших международных партнеров являются для нас принципиальными» [Послание ... от 3 апреля 2001].

Неслучайно Российская Федерация выражает готовность вносить конструктивный вклад в разрешение мировых проблем и устранение угроз. «Наша важнейшая цель во внешней политике — это обеспечение стратегической стабильности в мире», — резюмировал В. В. Путин в своем послании от 18 апреля 2002 года, потому что «Россия заинтересована в устойчивом и предсказуемом миропорядке. Только он способен обеспечить глобальную и региональную стабильность» [Послание ... от 16 мая 2003].

В российском руководстве наверняка присутствовали уверенность и(или) надежда, что партнеры захотят учитывать стратегические интересы страны или, по крайней мере, понять ее позицию. В 2000 году В. В. Путин заявил: «Достоверная информация о событиях в нашей стране — это сегодня вопрос ее и репутации, и национальной безопасности» [Послание ... от 8 июля 2000]. В том числе и по этой причине Президент выразил согласие решать с партнерами любые сложные проблемы: «Все это в полной мере относится и к обсуждению проблем сохранения стратегической стабильности, разоружения, расширения НАТО, формирования основ миропорядка в XXI веке» [Послание ... от 3 апреля 2001].

В. В. Путин предельно ясно дал понять Альянсу, где проходят «красные линии». «Будущее наших отношений с Альянсом напрямую зависит от того, — сказал он, — насколько точно соблюдаются основополагающие принципы и нормы международного права, в первую очередь в вопросах неприменения силы и угрозы силой... единственной организацией, правомочной санкционировать применение силы в международных отношениях, является Совет Безопасности» [Послание ... от 3 апреля 2001].

Относительно СНГ российский Президент обратил внимание коллег на то, что «мы рассматриваем пространство СНГ как сферу наших стратегических интересов. Мы также исходим из того, что и для государств Содружества Россия является зоной их национальных интересов» [Послание ... от 16 мая 2003]. Выдвижение на первый план интересов Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств не должно было восприниматься как угроза Западу, поскольку практически тогда же речь зашла и о «широко[м] сближени[и] и реаль[ной] интеграци[и] в Европу» [Послание ... от 16 мая 2003], проекте «большой Европы», а расширение Евросоюза мыслилось бы не в качестве угрозы, если оно «сближало нас не только географически, но и экономически и духовно» [Послание ... от 26 мая 2004].

В согласованной работе нового, отвечающего вызовам времени и угрозам «концерта держав» удалось бы, по мнению В. В. Путина, добиться того, чтобы «в случае обострения той или иной угрозы... действовал понятный, прозрачный и всеми признанный механизм принятия решений», то есть происходило обращение к Совбезу ООН, так как «другого... универсального, механизма у мирового сообщества нет» [Послание ... от 16 мая 2003].

В 2000–2004 годах Россия была готова учитывать особенности западных партнеров и участвовать в конкурентной борьбе, которая, как следует из вышеприведенного анализа, не мыслилась в качестве существенного препятствия. Предельно четко и открыто были сформулированы интересы, высказана готовность вести диалог и достигать компромисса.

Тезис о сильной России западными партнерами, по всей видимости, тогда серьезно не воспринимался, а участие в новом «концерте держав» и борьбе с угрозами для нашей страны допускалось отнюдь не на условиях равенства. Вместо того чтобы вести дискуссии и выработать стратегический компромисс, западные партнеры пытались ограничить способность России принимать важные решения и осуществлять самостоятельную политику. Последний вывод — это не обвинение Западу. Однако любая сторона, признавая легитимность собственных интересов, не может запретить партнеру столь же интенсивно отстаивать свои интересы [ср.: Grützmacher, 2020, с. 21–27, 53–73, 186–220; Silnizki, 2018, с. 28–48; Ewers, 2016, с. 52–60, 272–273].

Если вернуться к 2000 году и принятию *Новой концепции внешней политики РФ* [Панов, 2017, с. 37–48], то ее значимость В. В. Путин также обосновывал через стратегические ориентиры: «Мы не можем и не должны проигрывать стратегически. <...> Самостоятельность нашей внешней политики не вызывает сомнений и основу этой политики составляют прагматизм, экономическая

² Здесь и далее курсив в цитатах наш. — А. С.

эффективность, приоритет национальных задач. Но нам еще предстоит поработать, чтобы эти принципы стали нормой государственной жизни» [Послание ... от 8 июля 2000].

В связи с этим Дж. Буш-младший явно преувеличил «агрессивность Путина». «За восемь лет, — писал бывший американский президент в главе “План свободы” книги воспоминаний, — новообретенное богатство изменило Путина. Он стал агрессивнее по отношению к зарубежным странам и в защите репутации своей страны» [Буш, 2011, с. 490]. Тезис об агрессивности не ясен и потому, что об отсутствии альтернативы сильной России В. В. Путин говорил в 2000 году. Получается, что схожие с Дж. Бушем-младшим интеллектуальные конструкции являются либо следствием невольных ошибок аналитических служб, либо сознательной политической установкой, нацеленной на изоляцию России.

С. В. Лавров. *Путь дипломата.* В Интернете много информации о Сергее Викторовиче Лаврове, но, поскольку данная статья не носит автобиографичного характера, автор полагает для себя целесообразным отказаться от сопоставления, анализа и верификации различных сведений и ограничиться строками биографии, размещенной на официальном сайте Правительства Российской Федерации и пятью сделанными с их помощью выводами.

С. В. Лавров «в 1972 г. окончил [МГИМО] МИД СССР. Начал свою деятельность в 1972 г. в Посольстве СССР в Шри-Ланке. В период с 1976 по 1981 г. работал в Управлении международных экономических организаций МИД СССР. С 1981 по 1988 г. — первый секретарь, советник и старший советник в Постоянном представительстве СССР при ООН. С 1988 по 1990 г. — заместитель начальника Управления международных экономических отношений МИД СССР. С 1990 по 1992 г. — начальник Управления международных организаций МИД СССР. С 1992 по 1992 г. — директор Департамента международных организаций и глобальных проблем МИД России. С 1992 по 1994 г. — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. С 1994 по 2004 г. — Постоянный представитель Российской Федерации при ООН в Нью-Йорке» [Правительство РФ : сайт].

Что касается выводов, то, *во-первых*, С. В. Лавров — кадровый дипломат советской дипломатической школы, прекрасно знающий, как организована дипломатическая служба и что представляли собой международные отношения в период холодной войны, распада Советского Союза, трансформации рубежа веков.

Во-вторых, ему удалось приобрести опыт и знания, связанные с международными организациями, с решением глобальных и региональных проблем, что в подобном сочетании и на столь высоком функционально-оперативном уровне хотя и редко, но можно встретить в МИД. Присоединение же к этому экономической проблематики сделало его опыт уникальным, а его — универсальным дипломатом, счет которых идет на единицы не только в России, но и в мире.

В-третьих, работа заместителем министра в переходный период истории страны углубила его понимание проблем и задач, стоящих перед Россией и дипломатией.

В-четвертых, работа в течение почти десяти лет на посту Постоянного представителя в ООН, в центре международной дипломатии, повысила самостоятельность, системность в решении сложных проблем и авторитет среди коллег из других стран.

В-пятых, длительное нахождение на столь высоких и ответственных дипломатических постах, значительное количество текущих и стратегических вопросов не могло не укреплять свойственные профессии дипломата терпение и выдержку. Не знаю, среди каких кандидатур на пост министра выбирал В. В. Путин, но сомневаюсь, что он рассчитывал на то, что становление сильной и кризисоустойчивой России — это быстрый процесс. С. В. Лавров, с его опытом, знаниями, умением заниматься конкретикой и давать в трудных условиях результат, идеально подходил для того, чтобы управлять сложным мидовским механизмом, процессами усиления внешнеполитического авторитета и расширения возможностей страны.

С. В. Лавров о принципах работы Совета Безопасности ООН. Подобных принципов автор выделил четыре — два универсальных, входящих в традиционный дипломатический инструментарий, и два индивидуальных, обусловленных личностными особенностями понимания специфики дипломатической работы. К универсальным относятся *принцип главной ответственности* Совбеза «за поддержание международного мира и безопасности» [Заседание от 27 июня 2002, с. 14] и *принцип верности договоренностям*, к примеру достигнутым на Саммите тысячелетия.

Что касается индивидуальных принципов, то речь идет о *четком планировании работы и избежании дублирования*. «Для... нашей работы, — заметил С. В. Лавров 29 июня 2001 года, — крайне важно придерживаться повестки дня и вопросы, которые должны обсуждаться под рубрикой “Разное”, должны обсуждаться после запланированных пунктов» [Заседание от 29 июня 2001, с. 7]. Оценивая председательство Колумбии, он пояснил эту мысль: «Все заседания Совета Безопасности

как официальные, так и консультации имели *осмысленную* повестку дня, были посвящены *конкретным* вопросам, а не *общим теоретическим* обсуждениям... мы... не хотим, чтобы [Совет Безопасности] дублировал дебаты, которые проходят в Генеральной Ассамблее, Экономическом и Социальном Совете и других органах» [Заседание от 31 августа 2001, с. 5].

Второй принцип (*организация и проведение «хороших субстантивных дискуссий»*) не вступает в противоречие с четкостью и конкретикой, поскольку цель дискуссий состоит в том, чтобы выявить перспективные направления и помочь «реш[ить] конкретны[е] вопрос[ы]... с дальнейшим прогрессом в развитии инструментов, имеющихся в распоряжении Совета» [Заседание от 29 июня 2001, с. 6].

Примером перспективного взаимодействия «[н]а нынешнем сложном этапе развития международных отношений», делающем чрезвычайно востребованными конкретику и субстантивность, должна была бы стать «задача последовательного наращивания и совершенствования сотрудничества Организации Объединенных Наций, ее Совета Безопасности с региональными и субрегиональными механизмами», которую, с точки зрения С. В. Лаврова, надлежало реализовывать на основе «гибкого взаимодействия» и «при разумном “разделении труда” с региональными и субрегиональными структурами с должным учетом имеющихся у каждой из них сравнительных преимуществ» [Заседание от 11 апреля 2003, с. 25–26].

Конкретность предполагала ясное понимание промежуточного и конечного результата. «Мы считаем, — говорил С. В. Лавров, — что для практического воплощения в жизнь в современных условиях заложенной в Уставе концепции коллективной безопасности требуется создание Глобальной системы противодействия угрозам и вызовам. Очевидно, что такая система должна быть универсальной и всеобъемлющей, чтобы обеспечивать принятие комплексных решений, учитывая прямую взаимосвязь между новыми угрозами и вызовами» <...> с «координирующим центром» [Заседание от 11 апреля 2003, с. 26] в виде ООН.

Перспектива расширения сотрудничества ООН «с региональными и субрегиональными механизмами» в свою очередь объяснялась тем, что от реализации этого направления «в немалой степени зависе[ло], насколько эффективным окажется ответ мирового сообщества на новые многочисленные вызовы современности, включая угрозу международного терроризма» [Заседание от 11 апреля 2003, с. 26].

Таким образом, готовность российской дипломатии к работе над компромиссным результатом, в том числе и наличие у нее необходимых для этого принципов, не вызывает сомнений.

Алгоритм работы или подходы к борьбе с терроризмом. В работе С. В. Лаврова на посту постоянного представителя России в Совете Безопасности ООН присутствовал, по мнению автора, четкий алгоритм.

Шаг 1 данного алгоритма состоял в том, чтобы добиться обсуждения проблемы и принятия резолюции, способствующей ее решению³.

Шаг 2: не критиковать⁴, а утверждать позитивный взгляд на промежуточный результат, убеждать партнеров в необходимости конструктивно развивать достигнутое. Следует понимать, что партнерам на этом этапе предъявлялось общее содержание российской стратегии. «Важно... — замечал С. В. Лавров 6 декабря 2000 года, — отладить *эффективную* систему взаимодействия в решении проблемы терроризма органов самой ООН... которые должны работать *сообща, взаимодополняя* друг друга на основе своих соответствующих уставных полномочий, а также *в сотрудничестве* с региональными механизмами. *Важнейшим* условием *эффективности* антитеррористического *сотрудничества* государств является наличие широкой и надежной международно-правовой базы» [Заседание от 6 декабря 2000, с. 25]. В итоге последующие действия российских дипломатов не могли подвергаться критике.

Шаг 3: не упускать имеющиеся шансы для консолидации усилий и углубления сотрудничества. 12 сентября 2001 года на заседании Совета Безопасности ООН С. В. Лавров заявил: «Соединенные Штаты столкнулись с беспрецедентным актом агрессии со стороны международного терроризма... Вчерашние события... выходят за рамки национальных границ. Это наглый вызов

³ К примеру, в резолюции 1269 «безоговорочно осужда[лись] все акты, методы и практик[а] терроризма как преступные и не имеющие оправдания, независимо от их мотивов, во всех их формах и проявлениях, где бы и кем бы они ни совершались, особенно те, которые могли бы угрожать международному миру и безопасности» [Резолюция 1269 – S/RES/1269 (1999), с. 2].

⁴ Критика присутствовала в мягкой форме и, как правило, позднее: «Говоря о международно-правовой базе борьбы с терроризмом, не можем не высказать разочарования в связи с застопорившейся работой над проектами всеобъемлющей и ядерной антитеррористических конвенций. Отсутствие прогресса в этих вопросах обусловлено политическими, а не правовыми причинами и лишь играет на руку террористам» [Заседание от 6 мая 2003, с. 11].

всему человечеству» [Заседание от 12 сентября 2001, с. 6]. Известно, что результатом работы в данном направлении стала резолюция 1373⁵.

Шаг 4: продолжать аргументировать в позитивном духе, подчеркивать компетентность основных участников, а при необходимости — вносить новые предложения в рамках ранее представленной российской стратегии. Неслучайно 15 апреля 2002 года С. В. Лавров сначала отметил в отношении Контртеррористического комитета (далее КТК) [см.: Бокерия, 2006], что тот «не ограничивается в своей деятельности лишь анализом поступающих в его распоряжение докладов государств о предпринимаемых ими мерах по борьбе с терроризмом... Большое значение имеет и активная работа Комитета по налаживанию тесного сотрудничества с другими международными структурами, занимающимися проблематикой антитерроризма» [Заседание от 15 апреля 2002, с. 20], а потом внес предложение: «Необходимо заранее наметить пути и методы, которыми должен руководствоваться Комитет при вынесении соответствующих рекомендаций по устранению изъянов в законодательстве и практических механизмах государств в противодействии терроризму» [Заседание от 15 апреля 2002, с. 20].

Благодаря позитивной оценке достигнутого, перспективным предложениям и аргументам о ценности объединения под эгидой ООН различных форматов, выстраивалась системность и укреплялось представление о значимости сопряжения усилий, нормальности иных форматов, если они учитывают международное право и помогают развивать «эффективную систему взаимодействия» и «взаимодополняют друг друга». В подобном контексте инициативы западных партнеров не могли выступать в качестве ведущих и основополагающих, тем более что российская сторона неуклонно подчеркивала: «В Совете Безопасности имеется твердое общее понимание того, что Контртеррористический комитет не должен и не будет функционировать в качестве “репрессивного” органа или каким-либо иным образом выходить за рамки своего мандата» [Заседание от 15 апреля 2002, с. 20], поскольку «[э]то особенно важно для вовлечения в работу КТК тех государств, которые по тем или иным причинам пока не представили ему докладов» [Заседание от 27 июня 2002, с. 14].

Работа на данном этапе алгоритма требовала больше всего времени, что легко доказать, если рассмотреть аргументацию С. В. Лаврова в хронологическом порядке. 27 июня 2002 года он констатировал: «Благодаря *энергичной* работе КТК на наших глазах под эгидой Организации Объединенных Наций формируется *беспрецедентная глобальная система* противодействия терроризму. Мы *высоко оцениваем* тот факт, что в работе Комитета органично сочетаются *два основных направления* его деятельности: во-первых, всесторонний анализ поступающих в его распоряжение докладов о тех шагах, которые различные страны предпринимают в области борьбы с терроризмом, и, во-вторых, поиск конкретных практических путей оказания консультативного и технического содействия тем государствам» [Заседание от 27 июня 2002, с. 14].

4 апреля 2003 года было продолжено развитие программы возможной консолидации. «На новом этапе деятельности КТК, — отметил С. В. Лавров, — когда речь идет *не только об оценке законодательной базы и инфраструктуры противодействия террору, но и о контроле над их эффективным применением*, особое значение приобретает *взвешенный и всесторонне сбалансированный подход*. Наша *общая цель* — □ *создание эффективных международных, региональных и национальных механизмов*, которые были бы совместимы друг с другом и исключали бы возможность для террористов уходить от наказания, воспользовавшись слабостью отдельных элементов глобальной антитеррористической конструкции» [Заседание от 4 апреля 2003, с. 21].

6 мая 2003 года С. В. Лавров заметил: «Взаимодействие с региональными организациями должно становиться регулярным и максимально предметным», и напомнил, что «[ф]ормированию такого комплексного подхода, основанного на принципах универсальности, всесторонности и системности, должно способствовать принятие Генеральной Ассамблеей по инициативе России резолюции 57/145 “Реагирование на глобальные угрозы и вызовы”» [Заседание от 6 мая 2003, с. 11].

При этом он не переставал хвалить результаты, полученные КТК: «*Важнейшим позитивным итогом...* следует считать также *заметную динамику* в деле универсализации 12 антитеррористических конвенций», намечать новые перспективы и говорить об ответственности. «Сейчас, — заявил постоянный представитель РФ в ООН, — Комитет переходит к новому этапу своей работы... Очевидно,

⁵ В резолюции 1373 Совет Безопасности «постанов[ил], что все государства должны а) предотвращать и пресекать финансирование террористических актов; б) ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались или при осознании того, что они будут использованы для совершения террористических актов» [S/RES/1373 (2001), с. 2].

что многоплановость международной антитеррористической повестки дня, расширение географических зон террористической активности, охватывающей и те страны, которые пока не обладают достаточным потенциалом и ресурсами по предотвращению конкретных террористических угроз, — все это многократно повышает требования к дальнейшей работе КТК» [Заседание от 4 марта 2004, с. 8].

Вышеописанное представляет собой кропотливую дипломатическую работу. Но только рутина и терпение способны принести желаемый результат [ср.: Щербак, 2017]. Наверное, именно по этой причине позднее в официальном *Instagram* министра иностранных дел С. В. Лаврова появилась запись: «Дипломатия как искусство. Не должно быть запредельных эмоций, нужно приходить и работать».

Заключительные размышления

Проведенный анализ показывает, что сила российской дипломатии на новом этапе ее истории заключалась в стремлении объединить партнеров для решения конкретных задач. Автор обозначает это для себя как концепцию «(со)лидерства через конструктивное посредничество», когда ориентация на результат, предсказуемость и диалог, учет разнообразных интересов и попытка выработать компромисс, затрудняют сторонникам любого одностороннего лидерства проведение автономной политики и, что более важно, дискредитируют отстаиваемые ими принципы и подходы на мировой арене, вынуждая, в случае несогласия с диалогом, переходить к агрессивным мерам и враждебной риторике, перспективы которых из-за разъединения и уменьшения потенциальных опций не могут оказаться привлекательными для большинства адресатов подобной политики.

С учетом поставленных Президентом В. В. Путиным в 2000–2004 годах масштабных задач российская дипломатия работала в крайне сложных условиях и в кризисном модусе задолго до санкционной политики 10-х годов XXI века. В связи с этим для нее, по сути, мало что изменилось и после введения санкционного режима. Поражает и то, что в открытой аналитике данный факт не привлекает внимания, а из него, по крайней мере, следует бессмысленность санкций касательно ограничения оперативной и стратегической дипломатической деятельности. Изолировать Россию, если она не откажется от выбранной линии, будет чрезвычайно сложно.

Опытный дипломат умеет скрывать чувства. Он обязан демонстрировать «четкость в организации работы, очень рациональный стиль и настойчивое достижение поставленных целей» [Заседание от 31 августа 2001, с. 5]. Рассмотрение принципов и подходов, использованных С. В. Лавровым на посту постоянного представителя России в Совете Безопасности ООН, не только лишний раз убеждает в том, какую важную роль играют личности, но и помогает частично объяснить, почему в нашей внешней политике применяются определенные аргументы, принципы и подходы.

Внешняя политика — это коллективный труд, однако и в нем нужно пытаться увидеть индивидуальный вклад в общую линию, в «практическое искусство».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бокерия С. А. Контртеррористический комитет ООН: правовое поле деятельности // Вестник РУДН. Серия : Международные отношения. — 2006. — № 2 (7). — С. 27–31.
2. Буш Д. Ключевые решения : пер. с англ. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 543 с.
3. Громыко Ал. А. Мир вокруг Европы // Европа между трех океанов / под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. — М. : Ин-т Европы РАН ; СПб. : Нестор-История, 2019. — С. 49–71.
4. Заседание от 6 декабря 2000 г. S/PV.4242 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2000. — С. 1–5.
5. Заседание от 29 июня 2001 г. S/PV.4343 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2001. — С. 1–17.
6. Заседание от 31 августа 2001 г. S/PV.4363 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2001. — С. 1–21.
7. Заседание от 12 сентября 2001 г. S/PV.4370 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2001. — С. 1–9.
8. Заседание от 15 апреля 2002 г. S/PV.4512 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2002. — С. 1–29.
9. Заседание от 27 июня 2002 г. S/PV.4561 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2002. — С. 1–25.
10. Заседание от 4 апреля 2003 г. S/PV.4734 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2003. — С. 1–30.
11. Заседание от 11 апреля 2003 г. S/PV.4739 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2003. — С. 1–43.

12. Заседание от 6 мая 2003 г. S/PV.4752 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2003. — С. 1–17.
13. Заседание от 4 марта 2004 г. S/PV.4921 // Отчеты о заседаниях / ООН Совет Безопасности. — Нью-Йорк, 2004. — С. 1–36.
14. Карцов Ю. С. В чем заключаются внешние задачи России : (Теория внешней политики вообще и в применении к России). — СПб. : тип. С.-Петербургские ведомости, 1908. — 47 с. — URL : <https://www.litmir.me/br/?b=597667&p=1> (дата обращения: 27.04.2020).
15. Панов А. Н. Концептуальные основы внешней политики // Внешняя политика России, 1991–2016 / под общ. ред. А. В. Торкунова ; отв. ред. Е. М. Кожокин, А. Л. Чечевишников. — М. : МГИМО (У), 2017. — С. 23–72.
16. Послания Президента РФ Федеральному собранию от 8 июля 2000 г. ; от 3 апреля 2001 г. ; от 18 апреля 2002 г. ; от 16 мая 2003 г. ; от 26 мая 2004 г. // Президент Российской Федерации : сайт. — URL : <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 05–11.04.2020).
17. Примаков Е. М. Мир без России? : к чему ведет политическая близорукость. — М. : Российская газета, 2010. — 253 с.
18. Примаков Е. М. Мысли вслух. — М. : Российская газета, 2011. — 205 с.
19. Примаков Е. М. Россия в современном мире: прошлое, настоящее, будущее. — М. : Центрполиграф, 2018. — 606 с.
20. Сергей Викторович Лавров // Правительство Российской Федерации : сайт. — URL : <http://government.ru/gov/persons/15/bio/> (дата обращения: 15.04.2020).
21. Шаклейна Т. А. От биполярности к новому мировому порядку // Внешняя политика России, 1991–2016 / под общ. ред. А. В. Торкунова ; отв. ред. Е. М. Кожокин, А. Л. Чечевишников. — М. : МГИМО (У), 2017. — С. 9–23.
22. Щербак И. Н. Перспективы российской политики по сохранению и усилению роли ООН в международных делах // Внешняя политика России, 1991–2016 / под общ. ред. А. В. Торкунова ; отв. ред. Е. М. Кожокин, А. Л. Чечевишников. — М. : МГИМО (У), 2017. — С. 119–127.
23. Ewers P. Putin verstehen?: russische Außen- und Sicherheitspolitik der Ära Wladimir Putin. — Berlin : Edition Berolina, 2016. — 651 S.
24. Grützmacher C. Die Rückkehr des Zaren — die Außen- und Sicherheitspolitik Russlands im inneren Kräftefeld 2000–2008. — Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2020. — 629 S.
25. Schröder G. Klare Worte: Im Gespräch mit Georg Meck über die Mut, Macht und unsere Zukunft. — Freiburg ; Basel ; Wien : Herder, 2014. — 238 S.
26. Silnizki M. Außenpolitisches Denken in Russland: im Strudel von Geopolitik und Identitätsdiskurs. — Berlin : Verlag OntoPrax, 2018. — 201 S.

Сведения об авторе

Синдеев Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Сфера научных интересов: история дипломатии и внешней политики России и стран Европы, трансформационные процессы в сфере европейской безопасности.

Контактная информация: электронный адрес: a_sin74@mail.ru

A. A. Sindeev

The Formation of Russian Foreign Policy Principles and Strategies: S. V. Lavrov as a Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations Security Council (2000–2004) *

The relevance of the article is accounted for by the necessity to analyze and reassess research works devoted to the processes, phenomena, principles and strategies that have shaped the foreign policy of modern Russia. The article treats the issue on both universal and individual (personal) levels. The relevance of the issue is accounted for by two anniversaries we celebrate in 2020, namely the 20th anniversary of the United Nations Security Council and the 70th birth anniversary of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Viktorovich Lavrov. It should be noted, however, that the tone of the article is not celebratory. It is aimed at the analysis of principles and strategies of the foreign policy adopted by the Russian Federation in the late 20th — early 21st centuries. To achieve

* Sindeev A. A. The Formation of Russian Foreign Policy Principles and Strategies: S. V. Lavrov as a Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations Security Council (2000–2004). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 4 (69), pp. 31–42. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.004>

the aim of the research, the author of the article analyzes open sources, such as Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation given by the Russian president Vladimir Putin in 2000–2004, and all the minutes of meetings of the United Nations Security Council in 2000–2004. The author focuses attention on speeches devoted to the struggle against terrorism, for the issue was highly relevant in 2000–2004 and demanded that partners should coordinate their efforts to combat common challenges. To analyze the abovementioned data, the author of the article employed systemic approach, history and genetic approach, historical-typological approach, comparative-historical approach. The research enabled the author to systematize official guidelines of Russian foreign policy and to analyze the principles and strategies used by S. V. Lavrov as permanent representative of the Russian Federation to the United Nations Security Council. It should be noted that the findings of the research are preliminary and require further analysis.

foreign policy of the Russian Federation; principles of foreign policy; strategies of foreign policy; diplomacy; ambassador school; Putin; Lavrov

REFERENCES

1. Bokerija S. A. The United Nations Security Council Counter-Terrorism Committee: Legal Issues. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija : Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. International Relations Series]. 2006, no. 2 (7), pp. 27–31. (In Russian).
2. Bush G. *Ključevye reshenija* [Decision Points]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2011, 543 p. (Transl. from English).
3. Gromyko A. A. The World Surrounding Europe. Gromyko A. A., Fedorov V. P. (eds.). *Evropa mezhdu treh okeanov* [Europe between Three Oceans]. Moscow, European Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2019, pp. 49–71. (In Russian).
4. Meeting, December 6, 2000 S/PV.4242. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2000, pp. 1–5. (In Russian).
5. Meeting, June 29, 2001 S/PV.4343. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2001, pp. 1–17. (In Russian).
6. Meeting, August 31, 2001 S/PV.4363. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2001, pp. 1–21. (In Russian).
7. Meeting, September 12, 2001 S/PV.4370. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2001, pp. 1–9. (In Russian).
8. Meeting, April 15, 2002 S/PV.4512. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2002, pp. 1–29.
9. Meeting, June 27, 2002 S/PV.4561. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2002, pp. 1–25. (In Russian).
10. Meeting, April 4, 2003 S/PV.4734. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2003, pp. 1–30. (In Russian).
11. Meeting, April 11, 2003 S/PV.4739. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2003, pp. 1–43. (In Russian).
12. Meeting, May 6, 2003 S/PV.4752. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2003, pp. 1–17. (In Russian).
13. Meeting, March 4, 2004 S/PV.4921. *Otchety o zasedanijah. OON Sovet Bezopasnosti* [Security Council Reports. The United Nations Security Council]. New York, 2004, pp. 1–36. (In Russian).
14. Karcov Ju. S. *V chem zakljuchajutsja vneshnie zadachi Rossii : (Teorija vneshnej politiki voobshhe i v primenenii k Rossii)* [What are Russia's Foreign Tasks: (The Theory of Foreign Policy in General and as Related to Russia)]. St. Petersburg. St. Petersburg News Publ., 1908, 47 p. Available at : <https://www.litmir.me/br/?b=597667&p=1> (accessed: 27.04.2020). (In Russian).
15. Panov A. N. Conceptual Foundation of Foreign Policy. *Vneshnjaja politika Rossii, 1991–2016* [Russian Foreign Policy, 1991–2016]. Torkunov A. V., Kozhokin E. M., Chechevishnikov A. L. (eds.). Moscow, Moscow Sate Institute of International Affairs Publ., 2017, pp. 23–72. (In Russian).
16. Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation of July 8, 2000; April 3, 2001; April 18, 2002; May 16, 2003; May 26, 2004. *Prezident Rossijskoj Federacii : sajt* [President of the Russian Federation: site]. Available at : <http://www.kremlin.ru/> (accessed: 05–11.04.2020). (In Russian).
17. Primakov E. M. *Mir bez Rossii? : k chemu vedet političeskaja blizorukost'* [The World without Russia?: What will Political Improvidence Lead to]. Moscow, Russian Newspaper Publ., 2010, 253 p. (In Russian).
18. Primakov E. M. *Mysli vsluh* [Thinking out Loud]. Moscow, Russian Newspaper Publ., 2011, 205 p. (In Russian).
19. Primakov E. M. *Rossija v sovremennom mire: proshloe, nastojashhee, budushhee* [Russia in the Modern World: Past, Present, Future]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2018, 606 p. (In Russian).
20. Sergey Viktorovich Lavrov. *Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii : sajt* [The Government of the Russian

Federation: site]. Available at : <http://government.ru/gov/persons/15/bio/> (accessed: 15.04.2020). (In Russian).

21. Shakleina T. A. From Bipolarity to the New World. *Vneshnjaja politika Rossii, 1991–2016* [Russian Foreign Policy, 1991–2016]. Torkunov A. V., Kozhokin E. M., Chechevishnikov A. L. (eds.). Moscow, Moscow State Institute of International Affairs Publ., 2017, pp. 9–23. (In Russian).

22. Shherbak I. N. The Prospect of Russian Policy aimed at the Preservation and Reinforcement of the Position in the United Nations in International Affairs. *Vneshnjaja politika Rossii, 1991–2016* [Russian Foreign Policy, 1991–2016]. Torkunov A. V., Kozhokin E. M., Chechevishnikov A. L. (eds.). Moscow, Moscow State Institute of International Affairs Publ., 2017, pp. 119–127. (In Russian).

23. Ewers P. *Putin verstehen?: russische Außen- und Sicherheitspolitik der Ära Wladimir Putin*. Berlin, Edition Berolina Publ., 2016, 651 pP. (In German).

24. Grützmacher C. *Die Rückkehr des Zaren — die Außen- und Sicherheitspolitik Russlands im inneren Kräftefeld 2000–2008*. Hamburg, Verlag Dr. Kovač Publ., 2020, 629 p. (In German).

25. Schröder G. *Klare Worte: Im Gespräch mit Georg Meck über die Mut, Macht und unsere Zukunft*. Freiburg, Basel, Wien, Herder Publ., 2014, 238 p. (In German).

26. Silnizki M. *Außenpolitisches Denken in Russland: im Strudel von Geopolitik und Identitätsdiskurs*. Berlin, Verlag OntoPrax Publ., 2018, 201 p. (In German).

Information about the author

Sindeev Aleksey Aleksandrovich — Doctor of History, Professor of the Russian Academy of Science, Senior Researcher at the Institute of Europe of the Russian Academy of Science.

Research interests: history of Russian and European diplomacy and foreign policy, transformation processes in the sphere of European security.

Contact information: email: a_sin74@mail.ru

Поступила в редакцию 03.08.2020

Received 03.08.2020